

Джонатан Свифт

**Предложение об исправлении,
улучшении и закреплении
английского языка**

Джонатан Свифт
**Предложение об исправлении,
улучшении и закреплении
английского языка**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170480

Аннотация

Высказывания Свифта о родном языке. Памфлет написан в форме проекта, предложенного на рассмотрение одному из влиятельнейших английских чиновников – лорду-казначею графу Роберту Оксфорду.

Содержание

Джонатан Свифт
Предложение об
исправлении, улучшении
и закреплении
английского языка
в письме к высококочтимому
Роберту Оксфорду и
Мортимеру, лорду-
*казначеею Великобритании*¹

Милорд! То, что я имел честь высказать Вашей светлости в недавней нашей беседе, не было для меня мыслью новой, возникшей случайно и произвольно, но плодом долгих размышлений, и с тех пор суждения некоторых весьма сведущих лиц, к которым я обратился за советом, еще более утвердили меня в справедливости моих соображений. По их общему мнению, ничто не будет столь полезным для развития науки и улучшения нравов, как действенные меры, рассчитанные на исправление, улучшение и закрепление наше-

го языка, и они полагают вполне возможным осуществить такого рода предприятие при покровительстве государя, поддержке и поощрении его министров и стараниях надлежащих лиц, для сего избранных. Я с радостью услышал, что ответ Вашей светлости отличается от того, что в последние годы принято говорить в подобных случаях, а именно: что дела такого рода следует отложить до мирного времени – общее место, настаивая на котором иные зашли так далеко, что из-за войны, которую мы ведем за рубежом, рады любыми средствами заставить нас не думать о соблюдении гражданских и религиозных обязанностей.

Милорд, от имени всех ученых и просвещенных лиц нашего государства я жалею Вашей светлости, как главе министерства, что наш язык крайне несовершенен, что повседневное его улучшение ни в коей мере не соответствует повседневной его порче; что те, кто полагает, будто они делают наш язык более отточенным и изысканным, только умножили его неправильности и нелепости и что во многих случаях попираются все законы грамматики. Но дабы Ваша светлость не сочла мой приговор слишком суровым, я позволю себе высказаться подробнее.

Ваша светлость, полагаю, согласится с моим объяснением причин меньшей утонченности нашего языка по сравнению с итальянским, испанским или французским. Совершенно очевидно, что чистый латинский язык никогда не был распространен на этом острове, поскольку не предпринималось,

или почти не предпринималось, никаких попыток завоевать его вплоть до времени Клавдия². И в Британии среди народа латинский язык не был в столь общем употреблении, как в Галлии и Испании. Далее мы видим, что римские легионы были отсюда отозваны, чтобы помочь своей стране против нашествия готов и других варваров. Между тем предоставленные сами себе бритты подверглись жестоким набегам пиктов и были вынуждены призвать на помощь саксов³. В результате саксы установили свою власть почти над всем островом, оттеснив бриттов в самые отдаленные и горные области, меж тем как остальные части страны приняли обычаи, религию и язык саксов. Это, я полагаю, и послужило причиной того, что в языке бриттов сохранилось больше латинских слов, нежели в древнесаксонском, который, исключая незначительные изменения в правописании, сходен в большинстве своих исконных слов с современным английским, а также немецким и другими северными языками.

² ...вплоть до времени Клавдия. – При римском императоре Клавдии (41–54), спустя сто лет после прихода римлян на Британские острова, было завершено их завоевание.

³ ...бритты подверглись жестоким набегам пиктов и были вынуждены призвать на помощь саксов. – В результате вражды между кельтскими племенами в стране появляются германские племена – саксы, чей язык и станет основой формирования современного английского языка. Преобладание латинских заимствований в языке древних кельтов по сравнению с древнегерманским языком Свифт объясняет непосредственностью их контактов с римлянами на протяжении нескольких веков римского завоевания Британии.

Эдуард Исповедник⁴, долго живший во Франции, первый, по-видимому, внес некоторую примесь французского в саксонский язык. Двор стремился угодить своему королю, а все остальные сочли это модным, что происходит у нас и ныне. Вильгельм Завоеватель пошел значительно дальше. Он привез с собой великое множество французов, рассеял их по всем монастырям, раздал им большие земельные наделы, приказал все прошения писать по-французски и попытался ввести этот язык в общее употребление по всему королевству. Так, во всяком случае, принято думать. Однако Ваша светлость вполне убедили меня в том, что французский язык сделал еще более значительные успехи в нашей стране при Генрихе II⁵, который, получив большие владения на континенте во французской земле как от отца, так и от супруги, совершал туда частые поездки в сопровождении большого числа соотечественников, состоявших при его дворе. В течение нескольких следующих веков продолжались постоянные сношения между Францией и Англией как ради принадлежащих нам во Франции владений, так и ради новых завоеваний. Таким образом, два или три столетия назад в нашем языке было, по-видимому, больше французских слов, нежели сейчас. Многие слова были впоследствии отвергну-

⁴ *Эдуард Исповедник* – король Англии (1042–1066) из англосаксонской династии, после чьей смерти произошло норманнское завоевание страны.

⁵ *Генрих II* – король Англии (1154–1189) из династии Плантагенетов.

ты, некоторые уже во времена Спенсера⁶, хотя у нас сохранилось еще немало слов, давно вышедших из употребления во Франции. Я мог бы привести несколько примеров как того, так и другого рода, будь они хоть сколько-нибудь полезны или занимательны.

Исследование различных обстоятельств, в силу которых может изменяться язык страны, увлекло бы меня в весьма пространную область. Отмечу только, что у латинского, французского и английского языков была, по-видимому, сходная судьба. Первый со времен Ромула до Юлия Цезаря подвергался непрерывным изменениям. Из того, что мы читаем у писателей, случайно затронувших сей вопрос, так же как из отдельных отрывков древних законов, ясно, что латинский язык, на котором говорили за три столетия до Туллия⁷, был столь же непонятен в его время, как английский или французский языки трехсотлетней давности непонятны нам сейчас. А со времени Вильгельма Завоевателя (то есть немногим менее чем за семьсот лет) оба эти языка изменились не меньше, чем латинский за такой же период времени. Будет ли наш язык или французский разрушаться с той же быстротой, что и латинский, – вопрос, который может вы-

⁶ *Эдмунд Спенсер* (1552–1599) – крупнейший английский поэт эпохи Возрождения; именно на его поэму «Пастушеский календарь» как на образец ссылались сторонники большей поэтической архаизации языка или придания ему национального, простонародного колорита.

⁷ *Туллий* – Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.), выдающийся оратор, на много веков давший образец золотой латыни.

звать больше споров, нежели того заслуживает. Порча латинского языка объясняется многими причинами: например, переходом к тираническому образу правления, погубившему красноречие, ибо отпала нужда поощрять народных ораторов; предоставлением жителям многих городов Галлии, Испании и Германии, а также других далеких стран, вплоть до Азии, не только гражданства города Рима, но и права занимать различные должности, что привело в Рим множество чужеземных искателей удачи; раболепством сената и народа, вследствие чего остроумие и красноречие превратились в славословие – пустейшее из всех занятий; величайшей испорченностью нравов и проникновением чужеземных предметов роскоши вместе с чужеземными словами для их обозначения. Можно было бы указать еще на несколько причин, не говоря уже о вторжениях готов и вандалов, значение которых слишком очевидно, чтобы нужно было на них останавливаться особо.

Язык римлян достиг высокого совершенства прежде, чем начал приходить в упадок. А французский язык за последние пятьдесят лет подвергся такой тщательной отделке, какую только был в состоянии выдержать; тем не менее и он, по видимому, приходит в упадок вследствие природной непоследовательности французов и из-за особого пристрастия некоторых их авторов, особенно недавнего времени, злоупотреблять жаргонными словами – наипагубнейшее средство исказить язык. Покойный Лабрюйер, прославленный среди

французов писатель, пользовался многими новыми словами, коих нет ни в одном из ранее составленных общих словарей. Английский язык, однако, не достиг еще такой степени совершенства, когда следует опасаться его упадка. Если же он достигнет определенного предела утонченности, то, возможно, найдутся способы закрепить его навечно или по крайней мере до той поры, пока мы не подвергнемся вторжению или не окажемся поработченными другим государством. Но даже в последнем случае лучшие наши творения, вероятно, тщательно хранились бы, их приучились бы ценить, а сочинители их приобрели бы бессмертие.

Однако даже и без подобных переворотов (коим, мне думается, мы менее подвержены, нежели континентальные королевства) я не вижу необходимости в том, чтобы язык постоянно менялся, ибо можно привести множество примеров обратного. От Гомера до Плутарха прошло свыше тысячи лет, и можно признать, что по крайней мере в течение этого времени чистота греческого языка сохранялась. Колонии греков располагались по всему побережью Малой Азии вплоть до северных ее областей, расположенных у Черного моря, на всех островах Эгейского и на некоторых – Средиземного, где на протяжении многих веков, даже после того как они стали римскими колониями, греческий язык сохранялся неизменным, пока после падения империи греки не были покорены варварскими народами.

У китайцев есть книги на языке двухтысячелетней дав-

ности, и даже частые нашествия татар не смогли его изменить. Немецкий, испанский и итальянский языки за последние несколько веков подверглись незначительным изменениям или не изменились вовсе. Мне ничего не известно о других европейских языках, да и нет особых причин их рассматривать.

Завершив сей обзор, я возвращаюсь к рассуждениям о нашем собственном языке и желал бы смиренно предложить оные вниманию Вашей светлости. По моему мнению, период, в который английский язык достиг своего наибольшего совершенства, начинается с первых лет правления Елизаветы⁸ и кончается великим мятежом сорок второго года⁹. Правда, слог и мысли были тогда очень дурного вкуса, в особенности при короле Якове I, но, кажется, обрели пристойность в первые годы правления его преемника, который, помимо многих других качеств превосходного монарха, был великим покровителем просвещения. Я имею основания сомневаться в том, что со времени междоусобной войны порча нашего языка не уравновесила по меньшей мере те улучшения, которые мы в него внесли. Лишь немногие из лучших авторов нашего века полностью избежали этой порчи. В период узурпации жаргон фанатиков настолько проник во все сочи-

⁸ Елизавета – королева Англии (1558–1603), последняя из династии Тюдоров.

⁹ ...кончается великим мятежом сорок второго года. – С 1642 г. начинается открытая борьба между королем и парламентом, и с этой даты английские историки ведут начало революции, как сказано ниже у Свифта – «период узурпации».

нения, что от него невозможно было избавиться в течение многих лет. Затем последовала пришедшая с Реставрацией распушенность, которая, пагубно отразившись на нашей религии и нравственности, сказалась и на нашем языке. Едва ли улучшению языка мог содействовать двор Карла II, состоявший из людей, которые последовали за ним в изгнание, либо из тех, кто слишком наслушался жаргона времен фанатиков, либо молодежи, воспитанной во Франции. Так что двор, который обычно был образцом пристойной и правильной речи¹⁰, стал, и продолжает с тех пор оставаться, худшей в Англии школой языка. Таковым он пребудет и впредь, если воспитанию дворянской молодежи не будет отдано больше заботы, дабы она могла выходить в свет, владея некоторыми основами словесных наук, и стать образцом просвещенности. В какой мере сей недостаток отразился на нашем языке, можно судить по пьесам и другим развлекательным сочинениям, написанным за последние пятьдесят лет. Они в избытке наполнены жеманными речами, недавно выдуман-ными словами, заимствованными либо из придворного языка,

¹⁰ *Так что двор, который обычно был образцом пристойной и правильной речи...* – В эпоху Возрождения, когда шло формирование национальных языков, было естественным за культурный образец принимать речь двора, во всех сферах общественной жизни являвшего пример централизующей, объединительной тенденции. Но к началу XVIII в. вычурная придворная культура уже не может считаться эталонной. Все писатели единодушно сходились на осуждении светских жаргонизмов, представляющих порчу языка. Одним из самых распространенных вариантов светского жаргона были галлицизмы; о них пишет Свифт, им же посвящает отдельные эссе Аддисон в «Зрителе».

либо у тех, кто, сльвя остроумцами и весельчаками, считает себя вправе во всем предписывать законы. Многие из сих утонченностей давно уже устарели и едва ли понятны теперь, что неудивительно, поскольку они были созданы единственно невежеством и прихотью.

Насколько мне известно, еще не бывало, чтобы в этом городе не нашелся один, а то и больше высокопоставленных олухов, пользующихся достаточным весом, чтобы пустить в ход какое-нибудь новое словечко и распространять его при каждом разговоре, хотя оно не содержит в себе ни остроты, ни смысла. Если словечко сие приходилось по вкусу, его тотчас вставляли в пьесы да журнальную писанину, и оно входило в наш язык; а умные и ученые люди, вместо того чтобы сразу же устранять такие нововведения, слишком часто поддавались соблазну подражать им и соглашаться с ними.

Есть другой разряд людей, также немало способствовавших порче английского языка: я имею в виду поэтов времен Реставрации. Эти джентльмены не могли не сознавать, сколь наш язык уже обременен односложными словами, тем не менее, чтобы сберечь себе время и труд, они ввели варварский обычай сокращать слова, чтобы приспособить их к размеру своих стихов. И занимались этим так часто и безрассудно, что создали резкие, нестройные созвучия, какие способно вынести лишь северное ухо. Они соединяли самые жесткие согласные без единой гласной между ними только ради того, чтобы сократить слово на один слог. Со временем их вкус

настолько извратился, что они оказывали предпочтение тому, что прежде считалось неоправданной поэтической вольностью, утверждая, что полное слово звучит слабо и вяло. Под этим предлогом такой же обычай был усвоен и в прозе, так что большинство книг, которые мы видим ныне, полны обрубками слов и сокращениями. Примеры таких злоупотреблений бесчисленны. И вот, опуская гласную, чтобы избавиться от лишнего слога, мы образуем созвучия столь дребезжащие, столь трудно произносимые, что я часто недоумевал, можно ли их вообще выговорить.

Уродованию нашего языка немало способствовала и другая причина (вероятно, связанная с указанной выше); она заключается в странном мнении, сложившемся за последние годы, будто мы должны писать в точности так, как произносим. Не говоря уже об очевидном неудобстве – полном разрушении этимологии нашего языка, изменениям тут не предвиделось бы конца. Не только в отдельных городах и графствах Англии произносят по-разному, но даже и в Лондоне: при дворе комкают слова на один лад, в Сити – на другой, а в предместьях – на третий. И через несколько лет, вполне возможно, все эти выговоры опять переменятся, подчинившись причудам и моде. Перенесенное в письменность, все это окончательно запутает наше правописание. Тем не менее многим эта выдумка настолько нравится, что иногда становится нелегким делом читать современные книги и памфлеты, в которых слова так обрублены и столь

отличны от своего исконного написания, что всякий, привыкший к обыкновенному английскому языку, едва ли узнает их по виду.

В университетах некоторые молодые люди, охваченные паническим страхом прослыть педантами, впадают в еще худшую крайность, полагая, что просвещенность состоит в том, чтобы читать каждодневный вздор, который им присылают из Лондона; они называют это знанием света и изучением людей и нравов. С такими познаниями прибывают они в город, считают совершенством свои ошибки, усваивают набор новейших выражений и когда берут в руки перо, то выдают за украшение стиля все необычайные словечки, подобранные в кофейнях и игорных домах, причем в правописании они изошряются до крайних пределов. Вот откуда взялись те чудовищные изделия, которые под именем «Прогулок», «Наблюдений», «Развлечений» и других надуманных заглавий обрушились на нас в последние годы. Вот откуда взялось то странное племя умников, которые уверяют нас, будто пишут в соответствии со склонностями нынешнего века. Я был бы рад, если бы мог сказать, что эти причуды и кривлянья не затронули более серьезных предметов. Словом, я мог бы показать Вашей светлости несколько сочинений, где красоты такого рода столь обильны, что даже Вы, при ваших способностях к языкам, не смогли бы их прочесть или понять.

Но я убежден, что многие из этих мнимых совершенств

выросли из принципа, который, если его должным образом осознать и продумать, полностью бы их развенчал. Ибо опасаясь, милорд, при всех наших хороших качествах просвещенность нам по природе не слишком свойственна. Наше беспрестанное стремление укорачивать слова, отбрасывая гласные, есть не что иное, как склонность вернуться к варварству тех северных народов, от которых мы произошли и языки которых страдают тем же недостатком. Нельзя не обратить внимания на то, что испанцы, французы и итальянцы, хотя и ведут свое происхождение от одних с нами северных предков, с величайшим трудом приучаются произносить наши слова, меж тем как шведы и датчане, а также немцы и голландцы достигают этого с легкостью, потому что наши слова и их сходны по грубости и обилию согласных. Мы боремся с суровым климатом, чтобы вырастить более благородные сорта плодов, и, построив стены, которые задерживают и собирают слабые лучи солнца и защищают от северных ветров, иногда с помощью хорошей почвы получаем такие же плоды, какие выращивают в более теплых странах, где нет нужды в стольких затратах и усилиях. То же относится и к изящным искусствам. Возможно, что недостаток тепла, который делает нас по природе суровыми, способствует и грубости нашего языка, несколько напоминающего терпкие плоды холодных стран. Ибо я не думаю, что мы менее даровиты, чем наши соседи. Ваша светлость, я надеюсь, согласится с тем, что мы должны всеми силами бороться с нашими природными

недостатками и быть осмотрительными в выборе тех, кому поручаем их исправление, меж тем как доныне это выполняли люди, наименее к тому пригодные. Если бы выбор был предоставлен мне, я скорее вверил бы исправление нашего языка (там, где дело касается звуков) усмотрению женщин¹¹, нежели безграмотным придворным хлыщам, полоумным поэтам и университетским юнцам. Ибо ясно, что женщины, по свойственной им манере коверкать слова, естественно, отбрасывают согласные, как мы – гласные. То, что я сейчас поведаю Вашей светлости, может показаться сущими пустяками. Находясь однажды в смешанном обществе мужчин и женщин, попросил я двух или трех лиц каждого пола взять перо и написать подряд несколько букв, какие придут им в голову. Прочитав сей набор звуков, нашли мы, что написан-

¹¹ ...я скорее вверил бы исправление нашего языка... усмотрению женщин... – Подобная речевая установка напоминает русскому читателю о стилистических устремлениях Н. М. Карамзина и его школы или – еще ранее – о В. К. Тредиаковском; непринужденное изящество и благозвучие речи принимаются в таком случае за образец. В реальной литературной практике, как показано недавним исследованием, «ориентация на язык и вкус светской дамы» становится знаком принадлежности прециозной традиции или зависимости от нее (Б. А. Успенский. Из истории русского литера – турного языка XVIII – начала XIX века. М., 1985, с. 57, 155). Однако все содержание данного эссе и система взглядов Свифта скорее изобличают в нем противника прециозности, так же как и развиваемый им несколько ниже взгляд на важность Библии для современного языка (что в русской традиции составляет уже аналогию взглядам М. В. Ломоносова, а позже – архаистов!). Получается, что в теории Свифта есть попытка соединить то, что по крайней мере в реальном развитии русского литературного языка доказало свою несоединимость в XVIII в., развивалось не во взаимодействии, а в противоборстве.

ное мужчинами, из-за частых сочетаний резких согласных, звучит подобно немецкому языку, а написанное женщинами – подобно итальянскому, изобилуя гласными и плавными звуками. И хотя я ни в коем случае не намереваюсь затруднять наших дам, испрашивая у них совета в деле преобразования английского языка, мне думается, что нашей речи нанесен большой вред с тех пор, как они исключены из всех мест, где собирается общество, а появляются лишь на балах и в театрах, да в других местах, где происходит многое еще худшее.

Для того чтобы внести преобразования в наш язык, думается мне, милорд, надобно по здравом размышлении произвести свободный выбор среди лиц, которые всеми признаны наилучшим образом пригодными для такого дела, невзирая на их звания, занятия и принадлежность к той или иной партии. Они, по крайней мере некоторые из их числа, должны собраться в назначенное время и в назначенном месте и установить правила, которыми намереваются руководствоваться. Какими методами они воспользуются – решать не мне.

Лица, взявшие на себя сию задачу, будут иметь перед собой пример французов. Они смогут подражать им в их удачах и попытаются избежать их ошибок. Помимо грамматики, где мы допускаем очень большие погрешности, они обратят внимание на многие грубые нарушения, которые, хотя и вошли в употребление и стали привычными, должны быть изъяты. Они найдут множество слов, которые заслужи-

вают, чтобы их совершенно выбросили из языка, еще больше – слов, подлежащих исправлению, и, возможно, несколько давно устаревших, которые следует восстановить ради их силы и звучности.

Но более всего я желаю, чтобы обдумали способ, как установить и закрепить наш язык навечно, после того как будут внесены в него те изменения, какие сочтут необходимыми. Ибо, по моему мнению, лучше языку не достичь полного совершенства, нежели постоянно подвергаться изменениям. И мы должны остановиться, в противном случае наш язык в конце концов неизбежно изменится к худшему. Так случилось с римлянами, когда они отказались от простоты стиля ради изощренных тонкостей, какие мы встречаем у Тацита и других авторов, что постепенно привело к употреблению многих варваризмов еще до вторжения готов в Италию.

Слава наших писателей обыкновенно не выходит за пределы этих двух островов, и плохо, если из-за непрестанного изменения нашей речи она окажется ограниченной не только местом, но и временем. Именно Ваша светлость заметили, что, не будь у нас Библии и молитвенника на языке народном, мы вряд ли могли бы понимать что-либо из того, что писалось у нас каких-нибудь сто лет назад. Ибо постоянное чтение этих двух книг в церквах сделало их образцом для языка, особенно простого народа. И я сомневаюсь, чтобы внесенные с той поры изменения способствовали красоте и силе английской речи, хотя они во многом уничтожи-

ли ту простоту, которая является одним из величайших совершенств любого языка. Вы, милорд, – лицо, столь сведущее в Священном писании, и такой знаток его оригинала – согласитесь, что ни один перевод, когда-либо выполненный в нашей стране, не может сравниться с переводом Ветхого и Нового завета. И многие прекрасные отрывки, которые я часто удостаивался слышать от Вашей милости, убедили меня в том, что переводчики Священного писания в совершенстве владели английской речью и справились со своей задачей лучше, нежели писатели наших дней, что я приписываю той простоте, которой эта книга целиком проникнута.

Далее, что касается большей части нашей литургии, составленной задолго до перевода Библии, которым мы ныне пользуемся и мало с тех пор измененным, то, по-видимому, мы вряд ли сможем найти в нашем языке более величественные примеры подлинного и возвышенного красноречия; каждый человек с хорошим вкусом найдет их в молитвах причастия, в заупокойной и других церковных службах.

Но когда я говорю, что желал бы сохранить наш язык навеки, я вовсе не хочу сказать, что не следует обогащать его. При условии, что ни одно слово, одобренное вновь созданным обществом, впоследствии не будет исключено и не исчезнет, можно разрешить вводить в язык любые новые слова, какие сочтут нужными. В таком случае старые книги всегда будут ценить по их истинным достоинствам и не будут пренебрегать ими из-за непонятных слов и выражений, ко-

торые кажутся грубыми и неуклюжими единственно потому, что вышли из моды.

Если бы до нашего времени народ в Риме продолжал говорить на латинском языке, внести в него новые слова стало бы совершенно необходимым в силу великих изменений в законах, ремеслах и воинском деле, в силу многих новых открытий, сделанных во всех частях света, широкого распространения мореходства и торговли и множества других обстоятельств; и все же древних авторов читали бы с удовольствием и понимали с легкостью. Греческий язык значительно обогатился со времени Гомера до Плутарха, но, вероятно, в дни Траяна¹² первого из них понимали так же хорошо, как и последнего. Когда Гораций говорит, что слова увядают и гибнут, подобно листьям, и новые занимают их места, он, скорее, сетует по этому поводу, нежели сие одобряет. Но я не вижу, почему это должно быть неизбежным, а если и так, то что случилось бы с его *Monumentum aere perennius*?

Так как сейчас я пишу единственно по памяти, то предпочту ограничиться тем, что твердо знаю, а посему не буду входить в дальнейшие подробности. К тому же я хочу только доказать полезность моего проекта и высказать несколько общих соображений, предоставив все прочее тому обществу, которое, надеюсь, будет учреждено и получит благодаря Вашей светлости поддержку. Кроме того, мне хотелось бы

¹² ...Траян – римский император (53–117), чьим современником был поздний греческий историк Плутарх.

избежать повторений, ибо многое из того, что я имел сказать по данному поводу, уже сообщалось мною читателям при посредничестве некоего остроумного джентльмена¹³, который долгое время трижды на неделе развлекал и поучал сие королевство своими статьями и ныне, как полагают, продолжает свое дело под именем «Зрителя». Сей автор, столь успешно испробовавший силы и возможности нашего языка, полностью согласен с большинством моих суждений, так же как и большая часть тех мудрых и ученых людей, с коими я имел счастье беседовать по этому поводу. А посему, полагаю, такое общество выскажется весьма единодушно по основным вопросам.

¹³ ...уже сообщалось мною читателям... – Свифт напоминает о сдоем выступлении в «Болтуне» (№ 230), издававшемся Р. Стилом.